

Илья Муромец (3)

Во селе было во Каракове,
У Ивана сына Тимофеева
Был сын Илья Муромец,
Тридцать лет он сидел без рук, без ног.
На тридцатом году пришел бел старик,
Бел старик Снежна Груда,
Просит милостыню ради Христа и ради Господа.
«Я не то что подать — а готов я сам принять».
Бел старик отвечает Илье Муромцу:
«Я подам тебе милостыню ради Христа,
Подам тебе краюшку дару божьего.
Съешь, Илья, краюшку дару божьего,
Растягай, Илья, руки белые,
Шевели, говорит, ногами резвыма,
Вставай, Илья, да на резвы́ ноги».
Илья протягал руки белые,
Шевелил Илья ноги резвые,
Вставал Илья да на резвы́ ноги.
Отвечат Илья да сын Иванович:
«Посиди-ко-се, старик да Снежна Груда,
Схожу я к Ивану Тимофееву —
Нет ли у него квасу-хмелю пьяного».
(Иван-то в другой комнате жил.)
Принес Илья квасу-хмелю пьяного:
«Выпей, бел старик да Снежна Груда!»
Отвечает Илье бел старик:
«Впереди подателя по́й — не пьёт,
Выпей-ко ты, Илья Иванович!»
Илья выпил квасу-хмелю пьяного.
(Сам наперед!)
Спрашивает бел старик Илью Муромца:
«Много ли ты силы имешь?» —
«Если был бы во сырой земли сырой дуб,
Во сыром дубу было бы кольцо,
Поворотил бы я всю землю-матерь поселенную».

Появилась перед ним дернина земли-мати.
«Приздынь ее», — говорит бел старик Снежна Груда.
Первый раз признал Илья до пояса,
Второй раз признал до колена,
Третий раз признал — только сшевелил.
Говорит Илье старик Снежна Груда:
«Довольно тебе той силы».
Бел старик тут у его и потерялся.
Пошел Илья к отцу-матери —
Отца-матери дома не случилось.
(Ушли поле копать.)
Пошел Илья к отцу, к матери.
(Где они поле копают.)
Увидала его мати: «Наш Илья идет!» —
«Какой тебе Илья, — говорит отец, —
Наш Илья тридцать лет без рук, без ног».
Пришел Илья к отцу, к матери:
«Здравствуйте, отец и матушка,
Божья вам помощь — поле копати.
Давно ли вы поле копаете?» —
«Мы уже поле копам целых тридцать лет». —
«Охвота мне сходить в стольной Киев-град,
Посмотреть князя и со княгиною,
Посмотреть всех руських богатырей».
Отвечат отец Ильи Муромцу:
«Есть у меня в конюшенном доме двенадцать лошадей».
Пошел Илья выбирать коней:
На которого руку положит — тот и с ног падёт,
А на которого взглянет — кожа валом идёт.
Отвечат отец Ильи Муромцу:
«Есть у меня сивушко-бурушко,
На семи стоит цепях и на семи замках,
Навалена на ём плита чугунная,
Плитой овладашь — и конём будешь владать».
Подошел к плиты Илья, пнул ногой —
Улетела плита в поле чистое.
Выводил Илья коня доброго,
Седлал-уздавал коня доброго —
Не ради басы, а ради крепости.

Выезжал он тогда в поле чистое —
Лежит во поле сер-горюч камень,
Написаны на камню [подписи глубокие],
Подписи глубокие, подрези немецкие.
Старой читал и головой качал:
«От этих росстаней есть три дороги:
Перва дорожка — быть женатому,
Друга дорожка — быть богатому,
По третьёй дорожке ехать — живому не быть.
На что мне на старость быть богатому,
На что мне на старость быть женатому?
Поеду по дорожке, где живу не быть».
Наехал Илья на перву за́ставу,
Прносило мимо мостики калиновы,
Прносило мимо столбики малиновы,
Старой идет — одной рукой коня ведет,
Другой рукой старой дубья рвет,
Он дубья рвет да мосты мостит.
Наехал Илья на другу за́ставу,
На плутов наехал, на разбойников.
Тут и вышли тридцать три разбойника,
Стали имать Илью Муромца.
Отвечает им Илья Муромец:
«Вам бить-то меня не за что,
Вам взять-то у меня нечего —
Нет у меня золотой казны,
Нет у меня молодой жены,
Нет у меня малых детей,
Нет у меня старá отца,
Нет у меня старой матери,
Нет у меня стара дедушки,
Нет у меня старой бабушки,
У старого смерть страховита да полохливая.
Нет ли у вас молодых-то жен?
Не останутся ли у вас малы деточки,
Стары бабушки и стары дедушки?»
Еще пуще приступают к Илье Муромцу,
Стали его вязать вязками.
Он повыврал все ихны вязы-вязочки,

Хватал он разбойника за ноги —
Которой всех побольше, которой всех потолще:
«Ты долог, собака, — не сёрвешься,
Толстой ты, собака, — не сломишься!»
И начал им других охлобачивать:
У иного он ноги выломал,
У другого он глаза выкопал.
Связал он разбойников вязками
(вместях):
«Один — неси, другой — указывай,
Детям своим каждой наказывай
Не ездить, не ходить, не дурачить им —
По этой дорожке ездит Илья Муромец».
Поехал Илья в стольной Киев-град.
Наехал он на Соловья Рахматова.
Сидит Соловей на семи дубах,
На семи дубах, на восьми падубках,
Свистит-то он по-змеиному,
Ревет-то он по-звериному,
Убиват людей громким голосом.
Натягал Илья свой тугой лук,
Он клал свою калену стрелу,
Ко стрелы Илья приговаривал:
«Лети, моя калена стрела,
Выше лесу-то, лесу темного,
Пониже облака ходечего,
Упади, стрела, Соловью в правый глаз!»
Полетел Соловей с семи дубов,
На полети старой его подхватывал,
Вязал его к седлу кониному.
Ехал старой в стольной Киев-град.
Увидали Соловьевы деточки:
«Татенька везет богатыря!»
Отвечает им родна маменька:
«Богатырь везет вашего татеньку.
Подьте, подыньте подворотницу чугунную».
Приехал старой Илья Муромец,
Через ограду перескочил на добром кони,
Сронил Илья плиту чугунную,

Всех в доме их выкочкал.
Ехал теперя в стольный Киев-град
К солнышко-батюшку на почесен пир.
Заходил Илья на почесен пир:
«Здравствуй, солнышко-батюшко,
Здравствуйте, все руськие богатыри!»
Солнышко-батюшко спросил Илью:
«Ты отколь приехал, добрый молодец?» —
«Я, говорит, из села Каракова,
Сын Ивана Тимофеева». —
«Давно ли, Илья, из двора выехал?
Ведь надобно ехать на округу». —
«Я ехал дорожкой прямоезжей».
Отвечат ему солнышко-батюшко:
«Есть там Соловей Рахматович,
Убиват он своим громким голосом.
Та дорожка зарастала тридцать лет:
Черный ворон туда не пролетывал,
Добрый молодец не прохаживал». —
«Вы не верите мне! — говорит Илья, —
Привез я на показ Соловья Рахматова».
Пошел звать солнышко-батюшко
Того ли Соловья Рахматова.
Отвечат ему Соловей Рахматович:
«Не вашу я хлеб-соль кушаю,
Не вас я и слушаю».
Попросил солнышко Илью Муромца:
«Занеси в избу Соловья Рахматова».
Он занес Соловья, посадил к венику.
Заставили Соловья зареветь по-звериному,
Запеть его по-соловьиному.
Старой казак велел петь треть свистом,
Князя взял под праву́ руку,
А княгиню взял под леву́ руку.
Заревел Соловей о полу́свиста —
Бояра, как овсяные мешки, распáдались.
Старой казак ссек у Соловья голову.
Тут начал солнышко-батюшко
Илью Муромца поить-угощать,

Подарил ему он кунью шубу,
Кунью да соболиную.

(Зап. Леонтьевым Н. П.; 16 авг. 1940 г., д. Гаревое Усть-Цилемского р-на — от Хозяинова Сидора Антоновича, 80 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.